

Это было лишь интуитивное, ничем не подкрепленное предчувствие, но из-за него у Юй Шэня пропало всякое желание откровенничать.

— У меня китайские корни, — лаконично бросил он.

— Понятно, — Лян Циншу слегка кивнул, мгновенно потеряв интерес к теме.

Он вскинул изящную бровь и с самым непринужденным видом задал следующий вопрос:

— Так это ты только что играл на скрипке? Новенький, из переведенных?

— Да, — подтвердил Юй Шэнь. — Только скрипка чужая, непривычно ложится в руки.

Сказав это, Юй Шэнь достал телефон, чтобы вызвать такси.

Он не заметил, как в тот самый миг, когда он признал свое авторство над мелодией, лицо Лян Циншу едва заметно изменилось.

Легкая, безупречно вежливая улыбка мгновенно сошла на нет. Лян Циншу пристально, молча уставился на Юй Шэня, и в глубине его глаз промелькнуло что-то сложное, нечитаемое.

Тишину внезапно нарушила резкая трель — у Лян Циншу зазвонил телефон.

В качестве рингтона стояла классическая скрипичная пьеса «Танец эльфов». Как и знаменитые «24 каприза Паганини», это произведение требовало от исполнителя поистине виртуозной техники.

Старшеклассники редко ставят на звонок скрипичные соло. Слушая стремительные пассажи, Юй Шэнь мысленно предположил, что Лян Циншу тоже состоит в клубе струнной музыки.

В отличие от большинства китайских средних школ, школа Сяоцзи не ставила подготовку к выпускным экзаменам во главу угла.

Когда-то давно, еще в колониальные времена, иностранцы открыли здесь благотворительную христианскую школу. С тех пор дух свободы и независимости прочно укоренился в этих стенах и определял школьный уклад.

В этой элитной частной школе действовала система индивидуального выбора курсов — точь-в-точь как в университетах. Помимо обязательных дисциплин ученики сами решали, чем наполнить свое расписание. Стоило проявить интерес к какому-нибудь направлению, и для тебя тут же находился высококлассный преподаватель.

Юй Шэнь играл на скрипке с самого детства. Музыка не была его основным занятием, но в будущем он всерьез подумывал связать с ней жизнь.

Именно уважение к личным увлечениям учеников привлекло его в школу Сяоцзи. Ради этого он и перевелся сюда.

Однако теперь закрадывалось подозрение, что с выбором он фатально ошибся.

Машина всё не ехала. Как ни хотелось Юй Шэню уйти, ему приходилось стоять под навесом и ждать.

Сквозь оглушительную стену проливного дождя до него долетали лишь обрывки чужого разговора.

— Без проблем, — небрежно ронял Лян Циншу в трубку. — Добавь хоть еще сотню обычных жетонов, расклад сил в игре это все равно не изменит.

В обычном разговоре с глазу на глаз Юй Шэнь прекрасно понимал китайскую речь, но когда кто-то говорил по телефону, разобрать смысл было сложнее. Из-за шума дождя и отсутствия контекста он улавливал в лучшем случае процентов семьдесят-восемьдесят.

Разумеется, истинная суть слов Лян Циншу от него ускользнула.

Однако Юй Шэнь отчетливо заметил, как по ходу разговора сменилось выражение лица собеседника: от начального раздражения не осталось и следа.

Лян Циншу вдруг резко развернулся к Юй Шэню. В его взгляде вспыхнул опасный, дразнящий интерес.

— Почему бы не дать всем шанс побороться на равных? По-моему, отличная мысль.

Юй Шэнь лишь вопросительно приподнял бровь.

Не давая ему опомниться, Лян Циншу сбросил вызов.

Резкие порывы ветра растрепали его волосы, полы наброшенного на плечи пиджака взлетали вверх, но он ни на секунду не терял своего надменного изящества. Непогода парадоксальным образом лишь подчеркивала его хрупкую, почти прозрачную красоту.

— Слышишь, приятель, — заговорил Лян Циншу. — Зря ждешь. Сюда не пускают машины из приложений, охрана разворачивает их еще у ворот.

Он сделал многозначительную паузу, и в его голосе зазвучали откровенно издевательские, провокационные нотки:

— Да и вообще... Даже если ты очень захочешь уйти... Боюсь, теперь тебе никто не позволит.

— В каком смысле? — нахмурился Юй Шэнь.

Лян Циншу лишь загадочно улыбнулся в ответ.

— Юй Шэнь!

Сквозь шум ливня прорвался звонкий крик. Из дверей актового зала наконец выскочила запыхавшаяся Фан Тин в сопровождении Ю Саня. Девушка стояла на другом конце крытой галереи и отчаянно махала руками.

— Вот и славно, — улыбка Лян Циншу стала шире, когда он увидел бегущую к ним Фан Тин. — Пусть она тебе всё и объяснит.

Двадцать минут спустя.

Представители Старого кампуса во главе с Фан Тин и банда Нового кампуса под предводительством Гао Ханя расселись по разные стороны малого актового зала. Атмосфера в тесном помещении была накалена до предела — казалось, еще секунда, и вспыхнет война, пока еще безмолвная, но беспощадная.

Лишь Юй Шэнь и Лян Циншу держались в стороне, явно не вписываясь в это противостояние.

— То есть, вы хотите сказать, — Юй Шэнь буравил взглядом стоявшего перед ним завуча, — что даже если я прямо сейчас подам документы на отчисление, уйти смогу только через месяц?

— Именно так, — завуч старательно выговаривал каждое слово, боясь быть непонятым иностранцем. — Все документы уже оформлены, осталось только выдать ученический билет. Процесс аннулирования регистрации занимает не меньше тридцати дней. К тому же, без веской уважительной причины мы просто не имеем права вас отпустить.

— Месяц, — ледяным тоном повторил Юй Шэнь, не сводя с мужчины прямого взгляда.

Юй Шэнь не добавил больше ни слова, но от этого короткого эха завучу стало не по себе. По

спине пополз липкий пот. Он и сам прекрасно понимал всю абсурдность этих правил.

Но деваться было некуда. Чтобы выскочки из Нового кампуса не сели Старому на шею раз и навсегда, завуч приходилось изворачиваться и заискивать.

Преодолевая неловкость, он заговорил снова:

— Насколько мне известно, статус вашей визы, молодой человек, хоть и не является сугубо студенческим, все же накладывает на вас обязательство проходить обучение. Если в течение месяца вы не будете числиться ни в одном учебном заведении...

Стоивший рядом классный куратор поспешно вмешался:

— Каком еще месяце? Две недели! Сейчас с визовым режимом строго, правила ужесточили.

— Да-да, точно, две недели, — завуч суетливо вытер пот со лба. — Если через две недели у вас не будет действующей регистрации в школе, вас просто депортируют.

— За две недели я найду другую школу, — холодно отозвался Юй Шэнь.

— Не найдете, — с абсолютной уверенностью отрезал завуч. — По крайней мере, здесь, в Цяньлэ.

В городе Цяньлэ было всего два приличных учебных заведения среднего звена: школа Сяоцзи и школа Юэян. В обиходе их звали просто Сяочжун и Юэцзун.

Забавно, но эти две школы походили друг на друга как близнецы: одинаковая система обучения, схожие названия, даже контингент учащихся ничем не отличался. Да что там говорить, при их строительстве архитекторы использовали практически один и тот же проект. Неискушенный человек запросто мог их перепутать.

И, как это часто бывает, столь близкое соседство породило яростное соперничество. Школы, разделенные всего парой кварталов, давно снискали в городе славу непримиримых врагов.

Стоило ученику со скандалом покинуть Сяоцзи, как двери Юэян закрывались перед его носом навсегда.

Юй Шэню пришлось бы уехать из города, чтобы продолжить учебу.

Он прищурился.

Оставаться в Цяньлэ — это было единственное жесткое требование его приемного отца, высокопоставленного дипломата, который вечно пропадал в разъездах. Юй Шэнь не понимал, почему привязан именно к этому месту, но перечить отчиму не привык.

— И самое главное... — завуч бросил боязливый взгляд в сторону Лян Циншу, который невозмутимо потягивал горячий чай, услужливо поданный Гао Ханем, и перешел на заговорщический шепот: — В сложившихся обстоятельствах ты больше себе не принадлежишь. Об уходе из школы не может быть и речи.

— Из-за этой вашей так называемой Студенческой войны? — уточнил Юй Шэнь.

Завуч лишь удрученно кивнул.

Юй Шэнь откинулся на спинку стула. В голове всё это укладывалось с трудом.

По пути обратно в зал Фан Тин в общих чертах обрисовала ему местные безумные порядки.

Если в двух словах: Студенческая война была легальным способом выпустить пар. Администрация Сяочжуна, ратуя за развитие лидерских качеств и духа соперничества, позволяла ученикам устраивать любые состязания, если те формально не вредили здоровью.

Бросить вызов мог кто угодно: один на один или класс на класс. На сей раз Новый кампус объявил тотальную войну всему Старому кампусу.

В любой игре есть победители и проигравшие.

Для подстегивания азарта правила гласили: триумфатор забирает трофей, а проигравшая сторона обязана безропотно этот трофей отдать. Выигрышем могло стать всё что угодно.

Победители получали власть над тем, что отобрали, а уязвленные неудачники могли вернуть утраченное лишь одним способом — взять реванш в новой схватке.

Участие казалось добровольным, но бешеная доза адреналина, огромные ставки и уязвленное самолюбие заставляли изнеженных отпрысков богатых семей лезть в это пекло снова и снова.

Отказываться никто не умел.

Все хотели играть.

Все жаждали победы.

Каждый стремился растоптать другого, чтобы доказать свое превосходство.

— Вся система держится на Стартовом капитале, — торопливо объясняла Фан Тин своим тонким, слегка визгливым голосом. — В начале каждого семестра школа начисляет каждому по сто жетонов. Нужно только скачать наше внутреннее приложение.

Не дожидаясь ответа, Фан Тин бесцеремонно выхватила у него мобильный и сама установила программу.

На стартовом экране высветился забавный чиби-аватар, с пугающей точностью копирующий внешность Юй Шэня: короткие льняные волосы, янтарные кошачьи глаза, темно-зеленое худи и упрямо сжатые, холодные губы.

— Смотри, это ты, — Фан Тин ткнула пальцем в экран. — Надо же, копия!

Заметив, как Юй Шэнь недовольно нахмурился, Ю Сань поспешил вмешаться:

— Не переживай, приложение просто сканирует лицо через фронтальную камеру при первом запуске. Никто твои личные данные заранее не сливал.

— Да, — поддакнула Фан Тин. — Если бесит, можно в настройках поменять.

— Нормально, — Юй Шэнь слегка расслабился.

Его спутники мысленно перевели дух. За границей ведь все помешаны на конфиденциальности, хорошо, что они вовремя подсустились с объяснениями.

Фан Тин быстро защелкала по экрану, открывая вкладку баланса.

В кошельке Юй Шэня действительно числилось ровно сто единиц: девяносто девять Обычных жетонов и один Сердечный жетон.

Иконка Сердечного жетона точь-в-точь повторяла ту изящную безделушку, которой совсем недавно хвастался Гао Хань.

— Юй Шэнь, ты же заплатил кучу денег при поступлении, верно? Вот этот взнос и конвертировали в игровую валюту.

Фан Тин понизила голос:

— Но Сердечный жетон — это, по сути, твоя жизнь в этих стенах. Номинально он равен

обычному, но у него есть страшная скрытая сила. Если кто-то заберет твой Сердечный жетон, он сможет потребовать от тебя абсолютно всё что угодно. И ты не сможешь отказать.

— И? — Юй Шэнь оставался невозмутим.

— И то! — Фан Тин глубоко вздохнула. — Проиграть его — значит подписать себе приговор.

Она смерила уничтожающим взглядом стоявшего рядом Ю Саня. Тот виновато втянул голову в плечи и не смел пикнуть.

— Судя по тому, как этот Гао Хань тряс чужими побрякушками, вы свои уже спустили? — спросил Юй Шэнь. — И какие же условия они выдвинули?

— Да мы в Старом кампусе вечно им продуваем, — заныл Ю Сань с несчастным видом. — Из года в год только и делаем, что раздаем долги. Нас обобрали до нитки, буквально без штанов оставили...

— Ближе к делу, — оборвал его нытье Юй Шэнь.

— Они... они... — Ю Саню было физически трудно произнести это вслух. — Они потребовали, чтобы мы стали их послушными псами. Теперь эти ублюдки из Нового кампуса могут делать с нами всё, что им вздумается.

Юй Шэнь промолчал, лишь на мгновение прикрыв глаза.

<http://bllate.org/book/19712/2000755>